

АСТРАХАНЬ КАК ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА РОССИЙСКОЙ КАСПИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

А.К. Магомедов
(Россия, г. Ульяновск)

В статье рассматривается возрастающая роль Астраханского края как «региона-моста» на каспийском направлении в атмосфере геополитических потрясений начала XXI в. В центре исследования – процесс возвышения Астрахани в контексте путинской «стратегической каспийской инициативы».

In this paper the author trace the rising evolution of Astrakhan region as a Russian gateway on Caspian. The study is conducting on the process of geopolitical strengthening of Astrakhan in context of Putin's "Caspian strategic initiative".

Ключевые слова: возвышение Астрахани, «регион-мост», милитаризация Каспия, «стратегическая каспийская инициатива».

Key words: Astrakhan region, gateway, militarization of Caspian, "Caspian strategic initiative".

*«Проклятое Каспийское море – одна из ошибок природы...
Море, из которого нельзя выплыть».*

Иностранные капитаны, служившие в годы нэпа
в каспийской флотилии в Астрахани.
(Дос Пассос Дж. Лучшие времена.
Из «Российских дневников»).

Каспий и Астрахань в контексте меняющейся географии и геополитики. Приведенный эпиграф актуализирует одну из самых острых проблем Каспия – транспортную. Действительно, в терминах географии Каспийское море является крупнейшим внутренним евразийским водоемом и одним из самых закрытых мест на планете. Однако после падения Советского Союза этот регион приобрел огромную геополитическую притягательность. Богатая ресурсная база в сочетании с близостью к ключевым углеводородным бассейнам и геополитическим рубежам Евразии стала главной причиной роста интереса к данному ареалу.

Каспийский регион претерпевал огромные переоценки, превращаясь из евразийской периферии, каким он был в эпохи политической стабильности, в динамичный геополитический перекресток, каким он становился в периоды крупных политических потрясений. Такие превращения всякий раз были связаны с геополитическим отступлением России и оголением ее южных границ. Выход Каспия из-под российского контроля всякий раз превращал этот регион в спорную над-национальную единицу, обостряя борьбу за доминирование над ней. Как указывал российский ученый Владимир Максименко, в XX в. именно такие эпизоды (сначала крушение Российской империи в 1917–1920 гг., а затем распад СССР в 1991 г.) побуждали западных геостратегов (в свое время У. Черчилля, а затем З. Бжезинского) рассматривать территорию Кавказа и Средней Азии в сугубо подсобной роли «мягкого подбрюшья» Евразии, где Россия как «осевое континентальное государство» (в терминологии известного британского географа Х. Макиндера) оказывалось наиболее уязвимым [1].

Такие геополитические изменения предопределили взлет Астрахани как ключевого экономического и военно-стратегического рубежа на российском Каспии. В последнее десятилетие наблюдается резкое усиление миросистемного и геостратегического веса этого региона. Астраханская область является российским «регионом-мостом» на каспийско-иранском направлении. После распада СССР через Астрахань Россия стала «нависать» над Каспием и далее – исламским Югом своей континентальной массой и территориальной протяженностью. Пространственно она стыкуется с Кавказской и Центрально-азиатской структурами Евразии. Наконец, Астрахань соединяет Центральную Россию с Кавказом и Средней Азией через Поволжский ареал.

Справедливости ради надо отметить, что нынешнюю стратегически важную пограничную роль Астрахань обрела не вдруг. Астрахань исторически олицетворяла собой важный геополитический, военно-транспортный и культурный перекресток

Северной Евразии. Известный шотландский библеист и миссионер Э. Гендерсон еще в далеком 1821 г. писал, что Астрахань «в силу ее территориального положения... можно считать великим ключом не только к народам, исповедующим христианство и населяющим страны между Каспийским и Черным морями, но и к нескольким миллионам магометан и значительному числу язычников Центральной Азии». В «Записке» Гендерсона перечисляются девять стран / племен, добраться до которых удобно из Астрахани: 1) горные племена Кавказа, в которые он включил абхазов, черкесов, осетин, ингушей и лезгин; 2) Грузия, к которой он добавлял Менгрелию, Гурию и Имеретию; 3) Армения; 4) Курдистан; 5) Персия; 6) татарские племена, среди которых он выделял крымских, куманских, казанских, оренбургских, киргизских и сибирских татар; 7) «Независимая Татария», в которую он включал «Туркестан», туркмен, узбеков, «бухарцев» (последних он рассматривал как мост, через который можно добраться до Тибета) и караманов; 8) Калмыкия; 9) Тибет [2].

В начале XXI столетия Россия сделала решительную заявку на возвращение на Каспий. Эта заявка, как будет показано, заключалась в выдвигании «стратегической каспийской инициативы» В.В. Путина, наращивании военно-политического и дипломатического присутствия в регионе. В контексте возвращения России на Каспий и формирования «новой каспийской инициативы» Владимира Путина, Астрахань становится геополитической площадкой на Каспии и на южном направлении в целом. Астраханская область стала превращаться в важный композиционный элемент каспийского «мезо-ареала». В данном контексте уже произошла переоценка Астрахани как важной геополитической составляющей российской политики на Юге. Это стало окончательно ясно после визита Президента В.В. Путина в Астрахань в июле 2005 г. Вовсе не случайно, что именно отсюда он предпринял морским путем инспекционную поездку в Дагестан, где обсуждались вопросы безопасности всего северокавказского региона.

Астрахань в контексте геополитического отступления России с имперских рубежей в конце XX в. Однако путь к такому переосмыслению был сложен. Было время, когда регион внезапно оказался одиноким пограничным форпостом, лишенным поддержки и внимания центральной власти. Этому способствовали следующие обстоятельства. В результате распада Советского Союза в одночасье изменился баланс сил в Евразии. Масштабный субъект действия – СССР исчез с политической карты мира. Ельцинская «новая» Россия с ее оголенными окраинами стала напоминать безвольную природу, лишенную политического целеполагания. Пространство СНГ стало рассматриваться Западом как брошенное трофейное пространство. Такой поворот обусловил неслыханную эскалацию западных геополитических мегапроектов с целью приблизиться к контролю над географией и ресурсами Прикаспия. В 1994 г. США объявили Каспий зоной своих жизненно важных интересов.

У российской элиты не оказалось собственного геополитического дискурса, чутка и воображения. Особенно это было заметно с приходом к власти ельцинских либеральных «младореформаторов». Российский правящий класс открыл свое призвание не на путях напряженной и творческой работы по государственному строительству, а, как отметил известный российский философ А.С. Панарин, на путях приобщения к глобальному открытому обществу на потребительско-гедонистических основаниях. Атлантизм раннеельцинских либералов означал политический периферизм для России.

В итоге, фрагментированные игроки российской политики – правительство, нефтегазовые компании, региональные лидеры – были вынуждены адаптироваться к меняющейся геополитической обстановке в одиночку. В 1990-е гг. астраханское региональное руководство вынуждено было думать и действовать в геополитических терминах для отстаивания локальных интересов перед лицом различных угроз и вызовов.

Возвышение Астрахани в контексте путинской «стратегической каспийской инициативы». Начало XXI-го столетия ознаменовалось для России появлением Владимира Путина как убедительной национальной силы. Владимир Путин пришел к власти, когда были еще свежи горькие воспоминания о демократии «поельцински»: экономическом коллапсе, политическом распаде и социальном хаосе.

Он встал у руля страны, обещая преодолеть катастрофические тенденции с помощью того, что когда-то бывший премьер-министр Великобритании Энтони Иден назвал «вкусом твердого правительства».

Ельцинский режим выживал за счет децентрализации власти. Его эпоха (1990-е гг.) связана с децентрализацией и персонализацией политического и экономического влияния региональных лидеров. Напротив, путинский курс был направлен на централизацию политической власти в стране и деперсонализацию политического процесса на местах.

В контексте указанных изменений весьма показательна политика России по закреплению на Каспии и то, какая роль отводится прилегающим регионам в этом процессе. Ключевым моментом в процессе возвращения России на Каспий стал апрель 2002 г., когда во время своего визита в Астрахань (после неудачного саммита глав прикаспийских государств в Ашхабаде) Владимир Путин не только обозначил военные приоритеты России на Каспийском море, но и заявил о том, что для реализации поставленных задач каспийская флотилия будет оснащена новыми образцами вооружений и более профессиональным личным составом [3].

Важной частью путинской «каспийской инициативы» стали организованные в августе 2002 г. масштабные военные учения и сбор-поход Каспийской флотилии. По силе и размаху эти маневры оказались беспрецедентны, поскольку даже во времена СССР не наблюдалось такой мобилизации всех силовых структур на Каспии. Истинный смысл проведенных учений состоял в том, что они преследовали масштабные политические задачи. Тот факт, что объявление о мероприятии было сделано Путиным сразу после неудачного саммита в Ашхабаде в апреле 2002 г., свидетельствовал о желании российского руководства продемонстрировать фактор подавляющего военного превосходства России в регионе и сделать более сговорчивыми прибрежные государства Каспия в определении статуса водоема [4]. Не менее важный эпизод маневров был связан с защитой объектов российского ТЭК на Каспии. Так, министр обороны России руководил учениями с буровой установки «Астра», принадлежавшей Астраханскому филиалу компании «ЛУКОЙЛ», которая вовлечена в добычу нефти и газа на каспийском шельфе. Налицо не только факт комплексного использования силовых структур, но и стремление государства защищать интересы конкретных субъектов российского нефтяного бизнеса [5].

В ходе раздела в 1992 г. советской каспийской флотилии между Москвой и Баку, Россия оставила себе три четверти кораблей и персонала. Вывод флотилии из ее бывшей базы в Баку вынудил Россию построить новую базу в Астрахани. Забегая вперед, необходимо отметить, что за период 2000–2009 гг. Россия более чем в два раза увеличила свои каспийские военно-морские силы. Как следствие, Астрахань превращается не только в важный транспортный узел России на юге страны, но и в ключевой военно-стратегический пункт, становясь, таким образом, решающей геополитической платформой по контролю над Каспием. Помимо вышеуказанных обстоятельств об этом свидетельствовал характер персональных взаимоотношений бывшего астраханского губернатора Анатолия Гужвина с Владимиром Путиным. Прежний глава Астраханской области общался с президентом не только в режиме постоянных консультаций по основным вопросам российской стратегии на Каспии, но напрямую курировал вопросы каспийской военной политики России. В сентябре 2002 г. на заседании президиума Госсовета президент Путин наградил астраханского губернатора орденом «За военные заслуги». Столь высокой военной награды А. Гужвин был удостоен за значительный вклад именно в становлении Каспийской флотилии и проведение вышеуказанного сбора-похода боевых кораблей на Каспии. По мнению В.В. Путина, «этот сбор-поход и политика администрации Астраханской области во многом способствовали оздоровлению обстановки в этом регионе» [6]. Нет сомнений в том, что многие вопросы российской каспийской политики в будущем будут формироваться именно в Астрахани.

Список литературы

1. **Баталден С.** Мусульманский и еврейский вопросы в России эпохи Александра I глазами шотландского библеиста и путешественника / С. Баталден // Вопросы истории. – 2004. – № 5. – С. 48–49.
2. **«Волга».** Независимая газета Астраханской области. – 2002. – 26 сентября.
3. **«Волга».** Независимая газета Астраханской области. – 2004. – 26 февраля.
4. **Максименко В.** Центральная Азия и Кавказ: основание геополитического единства / В. Максименко // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 3. – С. 71.
5. **«Независимая газета».** – 2002. – 1 августа, 12 августа.
6. **«Независимая газета».** – 2004. – 16 января.
7. **Сокут С.** Флот учится защищать «Лукойл» / С. Сокут // Независимая газета. – 2002. – 12 августа. Характерно, что в эти же дни командующий балтийским флотом адмирал В. Валув сообщил, что корабли флота готовы обеспечить безопасность нефтяных платформ ООО «Лукойл-Калининградморнефть».

«АРКТИЧЕСКОЕ ОКНО» СЕВЕРНОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Н.Ю. Маркушина, Н.К. Харламьева, О.Л. Церпицкая
(Россия, г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена анализу арктической политики в контексте Северного Измерения, роли России ЕС в Северном Измерении, трансформации проекта от Северного Измерения ЕС к равноправному партнерству [1].

Ключевые слова: Арктическое окно, международные организации, Северное Измерение, Арктический совет, Европейский Союз, внешняя политика России.

The article is devoted the analysis of questions of soft security in the context of Northern Dimension, the role of Russia in Northern Dimension, transformation of the project from Northern Dimension EU to the equitable partnership.

Key words: Arctic Window, the international organisations, Northern Dimension, Arctic Council, European Union, Russian foreign policy.

Еще в начале XX столетия мировое сообщество волновали вопросы истощения запасов живой природы, урегулирование интересов стран к ресурсам Арктики, беспокорство о среде обитания, как ключевого фактора защиты окружающей среды Арктики, а также демилитаризации арктического региона. Свидетельством тому являются северная тихоокеанская Конвенция об охоте на тюленей 1911 г., Договор о Шпицбергене 1920 г., Конвенция о белых медведях 1973 г. Подписание этих документов было попыткой создания «системы управления» Арктикой. Арктический Совет и региональные международные организации в конце XX в. вновь на пути объединения голоса тревоги о природе Арктики и Севера, привлечения внимания мировой общественности к их насущным проблемам.

1994 г. во многом привел к переменам сотрудничество Европейского Союза и Российской Федерацией. Было совершенно очевидно, что построение новых взаимоотношений в мире после распада СССР для России зависело от выбора партнера. Подписанное Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Российской Федерацией открыло начало диалога России и Европы. Совершенно понятно, что партнеры и сегодня строят свою политику, исходя из различных точек зрения. Для России это сохранение специфики и национальные интересы. Для ЕС – во многом попытка переделать страну в духе западной модели и западных ценностей [3, с. 197].

Вполне очевидно, что в сотрудничестве двух величин появляются вопросы, требующие особого внимания и вызывающие неоднозначную оценку сторон. В этом контексте современная Арктика и Север на стыке веков приковывают к себе внимание международных правительственных и неправительственных организаций, транснациональных корпораций и отдельных стран, даже не имеющих границ с Северным Ледовитым океаном.